

Подборку своих стихов, посвящённых Рождеству Христову, представит корреспондент «Домодедовских Вестей» Александр Ильинский

СВЕЧА

Холодных звёзд холодный свет,
Холодное рассудочное знание
Да не затмят тебе, поэт,
Свечу живого мироздания.
И пусть волхвов вела звезда,
Я думаю на самом деле –
Свеча, прозрачна и чиста,
Светила возле Колыбели.
И свет мерцающей свечи
Сквозь темноту тысячелетий
Из той, евангельской ночи,
Всё также путеводно светит.
Приходят дни, уходят дни.
Свеча любви, огонь бесценный,
Спаси, помилуй, сохрани
От тьмы и холода вселенной!

ВОЛХВЫ

А полночь над верблюдами чернела
И на поля стекала не спеша,
Полынью пахла и толчёным мелом
Минуты под копытами кроша.
От шага к шагу медленно качаясь
В завесе гулкой мглы со всех сторон,
Звезда – то набухала словно завязь,
То – исчезала, издавая звон.
Казалось, что раскроется в полнеба
Звезда сейчас и вдруг замрёт совсем –
За пастбищем, где жёлтой коркой хлеба
Пристыл к холмам усталый Вифлеем.
Казалось, просияет сумрак сельский,
И время, обретая новый ход,
Начнёт вдруг торопиться по-апрельски
Как речка, разбивающая лёд;
Что ангельское пение счастливо
Сейчас прославит эту Ночь ночей...
Но нет... Звезда плыла неторопливо,
И мы неторопливо шли за ней.
Но день настанет: поздно или рано
Великий Рим, Афины и Бейрут
Смиренно, как верблюды каравана,
За нами к Вифлеему поплывут.

В ХРАМЕ

От паперти до алтаря
Со свежестью еловою
Ночь на седьмое января
Раскрытая и новая.
Всё старое – до той звезды,
В посте и покаянии
Ушло. И Рождество бразды
Берёт в свечном мерцании.
А свет растёт. Озарены
От пола до навершия
Четыре храмовых стены.
Стыдится тьма, отвержена,
Того, как яркая заря
Растёт среди полуночи.
И улицы огнём горят
От крыш – до снежных луночек;
Того, как певчий гулкий бас
За хоровым плетением
Ведёт раскатистый рассказ
С начала Сотворения –
До той, важнейшей из ночей,
Где даль заиорданская
Проснулась – общей и ничьей –
Без труб, без помпы и речей
Эпохой христианскою.
Осанна в вышних – мир любим,
И в нём – благоволение...
Шестокрылатый Херувим,
Многоочитий Серафим
Стоят безмолвно перед ним
В коленопреклонении.

* * *

И изморозь на яблочных ветвях,
И солнце на застывших каплях влаги...
Я знаю: жизнь – лишь только тень и прах,
Подборка формул на листе бумаги.
Но Ты, но Ты – так выведший число
Каллиграфически и вдохновенно –
Сам стал Числом, и Дробью, и Углом
В пространстве зыбкой формулы вселенной.
Меня помноживший с Собой Самим
И выведший за грани умноженья,
Един в Трёх Лицах, Прост и Неделим,
В деленье смерти ставший Воскресеньем –
Ты, только Ты! И ничего
Главнее нет, всё прочее - не важно...
Ты не забудь создания Твоего
За гранью чисел на листе бумажном!

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ

Планет безмолвных млечная труха,
Колючих звёзд глухое шелестенье
Ложатся в ясли нового стиха
Как пыль вселенной – в Новое Творенье.
И вол, и ослик в отблесках свечи
Носами тёплыми впотьмах, спросонок
В соломе шебуршат. А жар печи
Смиренье греет сложенных пелёнок.
В убогом виде странников-калик
Цари дары под ясли полагают.
И пахнет степью синий базилик,
И пастыри со Ангелы свиряют.
Что было – будет. Раздвигая темь
- Я знаю! – день затеплит небо снова,
И ковш Большой Медведицы, все семь
Усталых звёзд – погасит Солнце-Слово.
Всё завтра утром, утром... А сейчас
Прими, душа, Иосифо терпенье,
И Рождество – как начатый рассказ
Ведущий через Крест – до Воскресенья.

Александр Ильинский